

УДК 821.111

**СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОТИВА «ОЖИВАЮЩЕГО» ПОРТРЕТА
В РОМАНЕ Ч.Р. МЕТЬЮРИНА «МЕЛЬМОТ СКИТАЛЕЦ»**

Т. Г. ЗАЯЦ

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)

Рассматривается роман Ч.Р. Метьюрина (Charles Robert Maturin, 1782–1824) «Мельмот Скиталец» (Melmoth the Wanderer, 1820). Анализируется специфика использования мотива «оживающего» портрета в романе Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец».

Портрет – один из наиболее древних и распространенных видов живописи, со временем стал проникать в другие виды творчества. Особенно тесной оказалась связь между готической литературой и такой разновидностью портрета, как «оживающий» портрет. Существовавший и до того времени мотив в готической литературе получил второе дыхание и стал одним из самых распространенных и частотных. Каждый автор старался привнести что-то своё, и, тем не менее, можно говорить о некоторых общих чертах, которые стали основой и воспринимаются многими исследователями как традиционные, характерные черты.

Роман Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» является одним из самых значимых произведений готической литературы. И, хотя он не был высоко оценен современниками в первые годы после публикации, к концу XIX в. он обрел популярность и был оценен по достоинству. Данный роман интересен по ряду причин, среди них и то, что Ч.Р. Метьюрин предложил свою интерпретацию на тот момент уже далеко не нового мотива «оживающего» портрета, совместив в нем как традиционные черты, так и нечто новое, до сих пор нехарактерное.

Тем не менее, исследований, посвященных мотиву «оживающего» портрета на данный момент недостаточно как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. Во многих исследованиях и справочных материалах упоминается, что «оживающий» портрет является характерным атрибутом готической литературы, однако не предоставляется практически никаких деталей. В зарубежном литературоведении есть работы, посвященные «оживающим» портретам, в большинстве своем они затрагивают творчество отдельных писателей, однако есть и несколько более-менее масштабных исследований. В российском и белорусском литературоведении существуют немногочисленные работы, посвященные исследованию мотива в отдельных произведениях. Однако для составления полноценной картины на данный момент недостаточно данных. Есть необходимость в проведении ряда исследований, направленных на выявление как общих, так и частных черт мотива «оживающего» портрета. Более того, исследования, полностью посвященные мотиву «оживающего» портрета в романе Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» до сих пор не проводились.

«Оживающий» портрет появляется в романе Ч.Р. Метьюрина в самой первой главе, когда юный Джон Мельмот, студент Дублинского Тринити колледжа, отправляется к своему умирающему родственнику. По поводу причин недуга последнего ходит много споров, однако большинство версий не имеют ничего общего с правдой. И только своему родственнику умирающий Мельмот раскрывает настоящую причину своего состояния, которая заключается в том, что его преследует предок, чей портрет находится в отдаленном кабинете. По логике вещей этот предок должен был быть давно мертв, но, тем не менее, дядя Джона Мельмота настаивает на том, что предок его жив и что именно в страхе кроется причина недуга. Своему племяннику, после того как тот увидел портрет, Мельмот говорит так: «Оригинал до сих пор еще жив»⁹⁸ [1, с. 18].

Юный Мельмот, с одной стороны, не верит в происходящее: «Несмотря на то что Джон был весь еще под действием только что испытанных чувств, он отказывался этому верить и не мог скрыть своего сомнения»⁹⁹ [1, с. 18]. Дело в том, что он – человек, который руководствуется логикой и здравым смыслом. Он понимает, что человек не может жить так долго, так как портрет предка датирован 1646 годом. И, однако, дядя настаивает на том, что предок жив и преследует его всю жизнь и именно в этом кроется причина всех несчастий: «– Джон, – прошептал дядя, – говорят, что я умираю то ли от того, то ли от другого; кто уверяет, что я ничего не ем, кто – что не принимаю лекарств, но знай, Джон, – и тут черты лица старика чудовишно перекошились, – я умираю от страха. «Этот человек, – он протянул свою исхудавшую руку в сторону кабинета, как будто показывая на живое существо, – я знаю, что говорю, этот человек до сих пор жив». – Быть не может! – вырвалось у Джона. – Портрет помечен 1646 годом. – Ты это видел,

⁹⁸ «... the original is still alive» [2, p. 31].

⁹⁹ «John, though under the impression of his recent feelings, could not but look incredulous» [2, p. 31].

заметил, – сказал дядя, – ну так вот, – он весь затрясся, на мгновение облокотился на валик, а потом, схватив племянника за руку и очень странно на него посмотрев, воскликнул: – Ты еще увидишь его, он жив!»¹⁰⁰ [1, с. 19].

Джон Мельмот вспоминает привычки и характер своего дяди и приходит к выводу, что дядя его меньше кого бы то ни было склонен фантазировать и преувеличивать, он ни в коей мере не суеверен: «Можно ли представить себе, что такой, как он, умирает от страха, от нелепого страха, что человек, живший полтора столетия назад, до сих пор еще жив, – и тем не менее он умирает»¹⁰¹ [1, с. 19]. Да и сам юный Мельмот отнюдь не склонен к мистификации и суеверию. Он описывается автором как человек уравновешенный и рассудительный, он спокоен и ко всему подходит с холодной головой и здравым смыслом, но совершенно неожиданно для себя самого он понимает, что не может отвести глаз от портрета, хотя и испытывает при взгляде на него ужас: «Повинуясь какому-то порыву чувства, мучительного и неодолимого, он приблизился к портрету, поднес к нему свечу и смог прочесть подпись внизу: «Дж. Мельмот. анно 1646». Джон был по натуре человеком неробким, уравновешенным и отнюдь не склонным к суевериям, но он не в силах был оторвать глаз от этого странного портрета, сам не свой от охватившего его ужаса, пока наконец кашель умирающего не вывел его из этого состояния и не заставил поспешно вернуться»¹⁰² [1, с. 18].

Таким образом, сколь бы долго юный Мельмот ни отказывался верить словам дяди, он и сам не может отрицать некоторые сверхъестественные свойства портрета, который поразил его до глубины души с первого взгляда: «Портрет этот изображал мужчину средних лет. Ни в костюме, ни в наружности его не было ничего особенно примечательного, но в глазах у него Джон ощутил желание ничего не видеть и невозможность ничего забыть. Знай он стихи Саути, он бы потом не раз повторял эти вот строки: Глаза лишь жили в нем, Светившиеся дьявольским огнем»¹⁰³ [1, с. 18].

Все описанные ранее события происходят в первых главах произведения, иными словами портрет впервые появляется экспозиционно. Первые несколько глав произведения, с одной стороны, довольно статичны, но в то же время они насыщены информацией: буквально за несколько глав читатель узнает кое-какие факты из жизни загадочного предка, узнает отношение к портрету как родственников Мельмота, так и сторонних людей, помимо этого читатель знакомится с обстановкой дома и той комнаты, в которой находится портрет, несколько раз читает описание этого портрета и т.д. Все происходящее касается непосредственно родственников Мельмота Скитальца.

Заканчивается эта часть произведения тем, что дядя Джона Мельмота умирает. Спустя несколько дней после похорон находится завещание, согласно которому Джон Мельмот становится единственным наследником состояния дяди. В завещании находится приписка, сделанная дядей в уголке листа. Ее содержание заключается в том, что дядя приказывает своему племяннику уничтожить тот самый портрет и рукопись: «Приказываю племяннику и наследнику моему, Джону Мельмоту, убрать, уничтожить самолично или велеть уничтожить портрет с подписью «Дж. Мельмот, 1646», висящий у меня в кабинете. Приказываю ему также отыскать рукопись: полагаю, что он найдет ее в третьем, самом нижнем левом ящике бюро красного дерева, над которым висит портрет, – она лежит среди всяких ненужных бумаг, писанных от руки проповедей, брошюр о благосостоянии Ирландии и тому подобных. Он узнает ее по черной тесьме, которой она перевязана, по выцветшей и покрытой плесенью бумаге. Он может, если захочет, прочесть эту рукопись; только пусть лучше не читает. Во всяком случае заклиная его, если закли-

¹⁰⁰ «John,» whispered his uncle; – «John, they say I am dying of this and that ; and one says it is for want of nourishment, and one says it is for want of medicine, – but, John," and his face looked hideously ghastly, «I am dying of a fright. That man», and he extended his meagre arm toward the closet, as if he was pointing to a living being; «that man, I have good reason to know, is alive still». «How is that possible, Sir?» said John involuntarily», the date on the picture is 1646. «You have seen it, – you have noticed it,» said his uncle. «Well», – he rocked and nodded on his bolster for a moment, then, grasping John's hand with an unutterable look, he exclaimed, " You will see him again, he is alive» [2, p. 32].

¹⁰¹ «... such a man to die of a fright, – a ridiculous fright, that a man living 150 years ago is alive still, and yet – he is dying» [2, p. 33].

¹⁰² «From an impulse equally resistless and painful, he approached the portrait, held the candle towards it, and could distinguish the words on the border of the painting, Jno. Melmoth, anno 1646. John was neither timid by nature, or nervous by constitution, or superstitious from habit, yet he continued to gaze in stupid horror on this singular picture, till, aroused by his uncle's cough, he hurried into his room» [2, p. 31].

¹⁰³ «Before he quitted it, he held up the dim light, and looked around him with a mixture of terror and curiosity. There was a great deal of decayed and useless lumber, such as might be supposed to be heaped up to rot in a miser's closet ; but John's eyes were in a moment, and as if by magic, rivetted on a portrait that hung on the wall, and appeared, even to his untaught eye, far superior to the tribe of family pictures that are left to moulder on the walls of a family mansion. It represented a man of middle age. There was nothing remarkable in the costume, or in the countenance, but the eyes, John felt, were such as one feels they wish they had never seen, and feels they can never forget. Had he been acquainted with the poetry of Southey, he might have often exclaimed in his afterlife, «Only the eyes had life, They gleamed with demon light» [2, p. 30].

вание умирающего может иметь силу, ее сжечь»¹⁰⁴ [1, с. 22]. Джон Мельмот находит рукопись и читает ее, после чего уничтожает оба предмета, как и было предписано дядей. Однако после этого перспектива резко меняется.

Джон Мельмот живет в доме дяди около моря и вскоре после уничтожения портрета и рукописи происходит буря, равной которой жители не припоминают. Многие связывают происходящее с Мельмотом Скитальцем, кто-то предполагает, что с этой бурей он должен уйти: «– Уйдет он с этой бурей, – прошептала одна из старух, вынимая изо рта потухшую трубку и тщетно пытаясь снова зажечь ее от горящих углей, которые порыв ветра разбросал как пылинки, – уйдет он вместе с бурей»¹⁰⁵ [1, с. 63]. А другая ей возражает, что Мельмот еще вернется: «– Вернется еще, вот увидишь! – вскричала другая, – вернется! Нет ему покоя!»¹⁰⁶ [1, с. 63]. Вскоре после этого Джон Мельмот действительно видит своего предка. Однако после этого события ход действий еще раз кардинально меняется: происходящее в доме дяди сменяется множественными историями из прошлого о Мельмоте Скитальце и портрет упоминается лишь в нескольких отдельных моментах. Снова возвращение к «оживающему» портрету происходит уже к концу книги.

Для описания таинственного Мельмота Скитальца автор вкладывает в уста своих персонажей самые разные имена. Вот некоторые из них: «человек или тот, кто являл собой некое подобие человека»¹⁰⁷ [1, с. 312], «клеветник рода человеческого»¹⁰⁸ [1, с. 324] «тот, чье коварство и чьи хитроумные козни были намного опаснее гнева всех стихий»¹⁰⁹ [1, с. 331], «необычайное существо, над которым ни жизнь, ни смерть, ни человеческие чувства не имели никакой власти»¹¹⁰ [1, с. 314], и т.д. Сам себя Мельмот Скиталец описывает в следующих выражениях: «Существо непривлекательное на вид, с отвратительными привычками, отъединенное от жизни и человечества непроходимой пропастью, обездоленный пасынок природы, занятый тем, что проклинает, а то и совращает своих более удачливых братьев»¹¹¹ [1, с. 335].

Для общего понимания истории и, в частности, ситуации с оживающим портретом решающую роль играет знакомство с личностью и характером самого Мельмота Скитальца, чему и посвящена большая часть произведения. Первоначально у читателя складывается ощущение недосказанности, некоей тайны, но у него нет возможности собрать пазл воедино и понять, почему этот человек снискал такую славу и что же в действительности кроется за оживающим портретом.

Так, можно видеть множество подобного плана описаний, вложенных в уста абсолютно разных и зачастую ничем не связанных и нигде не пересекающихся персонажей: «Для Мельмота «ничто не было ново под солнцем». Он знал больше, чем любой мужчина или любая женщина могли ему рассказать. Человеческие достоинства были в его глазах сущей безделицей, погремушкой, трескотня которой надоела ему, – и он отбрасывал ее прочь. Красота была для него цветком, на который он смотрел с презрением и прикасался к нему для того лишь, чтобы сгубить. Богатство и общественное положение он оценивал по достоинству, но взирал на них отнюдь не со спокойным презрением философа или высокой отрешенностью праведника, а с тем «зловещим предвкушением возмездия и суда», которых, по его глубокому убеждению, людям этим было не миновать»¹¹² [1, с. 377]. По ходу произведения читатель по крупицам собирает информацию о том, что привело к такому результату и начинает понимать то, какая связь существует между Мельмотом и его портретом (или, вернее, портретами), и почему его портрет на самом деле оживает, но об этом будет сказано в последующих подразделах.

¹⁰⁴ «I enjoin my nephew and heir, John Melmoth, to remove, destroy, or cause to be destroyed, the portrait inscribed J. Melmoth, 1646, hanging in my closet. I also enjoin him to search for a manuscript, which I think he will find in the third and lowest left-hand drawer of the mahogany chest standing under that portrait, – it is among some papers of no value, such as manuscript sermons, and pamphlets on the improvement of Ireland, and such stuff; he will distinguish it by its being tied round with a black tape, and the paper being very mouldy and discoloured. He may read it if he will; – I think he had better not. At all events, I adjure him, if there be any power in the adjuration of a dying man, to burn it» [2, p. 40–41].

¹⁰⁵ «He is going in that blast», said one of the hags, taking the pipe from her mouth, and trying vainly to rekindle it among the embers that the storm scattered about like dust; «he is going in that blast» [2, p. 152–153].

¹⁰⁶ «He'll come again», cried another Sybil, «he'll come again, – he's not at rest!» [2, p. 153].

¹⁰⁷ «man, or more or less than man» [3, p. 144].

¹⁰⁸ «traducer of humanity» [3, p. 178].

¹⁰⁹ «one whose subtle and poisonous potency was more fatal than all the elements in their united wrath» [3, p. 200].

¹¹⁰ «extraordinary being, with regard to whom the laws of mortality and the feelings of nature seemed to be alike suspended» [3, p. 151].

¹¹¹ «A being unattractive in his form, repulsive in his habits, separated from life and humanity by a gulph impassable; a disinherited child of nature, who goes about to curse or to tempt his more prosperous brethren» [3, p. 210].

¹¹² «To Melmoth «nothing was new under the sun». Talent was to him a burden. He knew more than man could tell him, or woman either. Accomplishments were a bauble – the rattle teased his ear, and he flung it away. Beauty was a flower he looked on only to scorn, and touched only to wither. Wealth and distinction he appreciated as they deserved, but not with the placid disdain of the philosopher, or the holy abstraction of the saint, but with that «fearful looking for of judgment and fiery indignation», to which he believed their possessors irreversibly devoted...» [3, p. 323].

Таким образом, «оживающий портрет» в произведении Метьюрина может рассматриваться как мотив, так как именно он является главной движущей силой произведения и все описанное на страницах книги связано непосредственно с личностью изображенного на портрете Скитальца.

Впервые портрет в произведении появляется экспозиционно, в первых главах произведения. В начале присутствуют и некоторые иные персонажи, однако особый акцент делается на потомках Мельмота Скитальца и их отношении к портрету предка. На данном этапе читатель узнает, что портрет обладает способностью производить неизгладимое впечатление на смотрящего и что жизнь изображенного на портрете человека окутана тайной. Однако после того, как Джон Мельмот уничтожает портрет и рукопись, ход действий кардинально меняется и до последних нескольких глав тема портрета практически не затрагивается. Огромное внимание уделяется личности Мельмота Скитальца и его описаниям, что играет ключевую роль для понимания того, какая связь существует между Мельмотом Скитальцем и его портретом и почему портрет оживает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Метьюрин, Ч.Р. Мельмот Скиталец / Ч.Р. Метьюрин: пер. с англ. А.М. Шадрина. – Ленинград: Наука, 1977. – 704 с.
2. Maturin, C.R. Melmoth the wanderer: in 4 vol. / C.R. Maturin. – Edinburgh: Archibald Constable & Co., 1820. – Vol. 1. – 360 p.
3. Maturin, C.R. Melmoth the wanderer: in 4 vol. / C.R. Maturin. – Edinburgh: Archibald Constable & Co., 1820. – Vol. 3. – 382 p.